

ФИЛОСОФИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ. ТЕОРИЯ ПРАВА. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА

Иван Владимирович Лексин

Заведующий кафедрой правовых основ управления факультета государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, доцент
E-mail: leksin@spa.msu.ru

Влияние Конституции Российской Федерации на языковую культуру юриспруденции

Аннотация: статья посвящена речевым проблемам Конституции Российской Федерации 1993 г. и их влиянию на язык юридической науки, юридического образования, юридической практики. Автор констатирует масштабность лингвистической роли Конституции РФ, отмечая при этом многочисленность языковых погрешностей в ее содержании, непосредственно отражающихся в научных работах, учебном процессе, результатах правотворческой и правоприменительной деятельности. Проанализированы конкретные примеры неудачных положений российской Конституции, посвященных характеристике Российского государства, институтам гражданского общества, статусу личности, федеративному устройству, системе органов государственной власти, местному самоуправлению. Предложены средства решения рассмотренных проблем: отказ от излишней догматизации конституционных формул, повышение внимания к лингвистической технике изменений, вносимых в Конституцию РФ, использование законотворческого потенциала непрямого преобразования Основного Закона, повышение интерпретационной роли Конституционного Суда РФ.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, юридический язык, культура, юридическая наука, юридическая практика, Конституционный Суд Российской Федерации.

Ivan Vladimirovich Leksin

*Chair of the Legal Grounds and Management Basis Department
of State Management Faculty, Moscow M.V. Lomonosov State
University, Doctor of Juridical Science, Associate Professor*

The Influence of the Constitution of the Russian Federation on the Linguistic Culture of Jurisprudence

Annotation: the article is devoted to linguistic problems of the Constitution of the Russian Federation in 1993 and their influence on the language of legal science, legal education, and legal practice. The author states the scale of the linguistic role of the Constitution of the Russian Federation, while noting the multitude of language errors in its content, which are directly reflected in scientific works, educational process, the results

of lawmaking and law enforcement activities. The author analyses concrete examples of unsuccessful provisions of the Russian Constitution, devoted to the characterization of the Russian state, the institutions of civil society, the status of the individual, the federal structure, the system of state bodies, and local self-government. The author suggests the following solutions to the considered problems: rejection of excessive dogmatization of constitutional formulas, increased attention to the linguistic technique of changes added to the Constitution of the Russian Federation, use of the legislative potential of indirect transformation of the Basic Law, and increasing the interpretative role of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, juridical language, culture, juridical science, juridical practice, Constitutional Court of the Russian Federation.

Конституция Российской Федерации 1993 г. — неизменно популярный объект исследований конституционно-правовой, теоретико-правовой, сравнительно-правовой и иных направленностей. Выработаны и обоснованы представления о функциях Конституции как источника доктринальных положений, как идеологической основы духовной жизни общества, как нормативной базы для конструирования новых институтов, как средства обеспечения единства конституционно-правового пространства¹.

Несмотря на пристальное внимание ученых и практиков к данной проблематике, ее сравнительно малоразработанным сегментом остаются речевые характеристики Конституции и их взаимосвязи с юридической наукой, юридическим образованием, юридической практикой. Многие положения Конституции неоднократно подвергались критическому разбору с содержательной и юридико-технической точек зрения², но при этом ни они сами, ни их отражение в юридической доктрине, юридическом образовании и практической юриспруденции почти не затрагивались лингвистической экспертизой.

Масштабность лингвистической роли Конституции РФ 1993 г. не вызывает сомнений. Она произвела радикальную перестройку в отечественном

¹ См., напр.: Хабриева Т. Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 34–38; Автономов А. С. Ценность конституции // Государство и право. 2009. № 3. С. 5–11; Демидов В. Н. Конституция РФ и единство конституционно-правового пространства Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 6. С. 14–23; Витрук Н. В. Право, демократия и личность в конституционном измерении. М., 2012. С. 167–168; Шахрай С. М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. М., 2013. С. 26.

² См., напр.: Авакьян С. А. Конституция России: сложный юбилей // Российская Федерация сегодня. 2003. № 22. С. 10–12; Боброва Н. А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 33–37; Лукьянова Е. А. Некоторые проблемы Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 15. С. 4–9; Царев А. Ю. О свойствах Основного закона государства // Современные проблемы конституционного и муниципального строительства: опыт России и зарубежных стран : материалы междунар. науч. конференции. Юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва, 10–13 марта 2010 г.) / отв. ред. С. А. Авакьян. М., 2010. С. 432–437; Лексин И. В. «Действительные» и «мнимые» конституционные принципы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 10. С. 2–6; Его же. Юридико-техническая оценка Конституции как основы территориального устройства России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2012. Т. 5, № 2. С. 99–105; Кондрашев А. А. Конституция России: дефекты принятия и содержания. Преобразование, поправки или пересмотр? // Государство и право. 2016. № 2. С. 32–41; Фомиченко М. П. Декларативность конституционных норм и принципов как угроза существующему конституционному строю и демократии в России // Правовая культура. 2018. № 1. С. 15–21.

языке правотворчества, правоприменения, юридической науки и образования. Сопоставимые по масштабам изменения такого рода можно было наблюдать лишь столетие назад — при конституционно-правовом оформлении советской государственности. Значительность стимулирующего влияния принятия новой Конституции на отечественную юриспруденцию была обусловлена следующими обстоятельствами:

— размахом преобразований политической системы (появлением новых политических институтов, трансформациями в системе разделения властей и территориальном устройстве);

— учреждением новых правовых институтов (в частности, института выдвижения обвинения против Президента РФ, институтов поправок к Конституции и пересмотра Конституции);

— изменением системы формальных источников права (техническим отделением Конституции Российской Федерации от категории источников, охватываемых термином «закон», введением в данную систему поправок к Конституции, разделением федеральных конституционных законов и обычных федеральных законов);

— закреплением новых конституционно-правовых принципов (в частности, принципов верховенства Конституции РФ и федеральных законов, высшей юридической силы Конституции РФ, единства государственной власти);

— как следствие, существенной трансформацией категориального аппарата (выразившейся как в обновлении значения терминов, и прежде имевшихся в распоряжении юриспруденции¹, так и в легализации терминов, ранее использовавшихся только в научных работах либо выработанных в политическом и управленческом обиходе², и во введении в юридическую лексику принципиально новых понятий³).

Стремление осмыслить колоссальный массив нововведений закономерно вызвало исследовательское оживление в конституционно-правовой науке, в иных отраслевых дисциплинах, в теории государства и права и в сравнительном правоведении. Содержание Конституции России 1993 г. дало множество идей для исследований, проведение которых было бы весьма маловероятным или получило бы существенно иное направление в случае, если бы она была принята в иной редакции (сказанное, например, относится к соотношению понятий конституции и закона, исследованию места главы государства в системе разделения властей, осмыслению правовой природы прокуратуры, Центрального банка, Счетной палаты).

Однако Конституция 1993 г. ввела в научный оборот и множество фраз и выражений, корректность построения которых должна вызывать серьезные сомнения, но используемых подавляющим большинством автором без оговорок. Претензии речевого характера могут быть предъявлены практически

¹ Например, деление на органы государственной власти, органы государственного управления, суды уступило место унифицированному обозначению «органы государственной власти».

² В Конституции РФ 1993 г. получили закрепление такие обозначения, как «социальное государство», «поправка к Конституции», прежде встречавшиеся только в политических дискуссиях, научной и учебной литературе, аналитических материалах и в декларативных документах.

³ В частности, понятий «гарант Конституции», «принятие в Российскую Федерацию нового субъекта», «образование в составе Российской Федерации нового субъекта».

к каждому конституционному положению. Прежде всего, не вполне проработано изложение характеристик Российского государства. Так, в ч. 2 ст. 1 Конституции наименование Российская Федерация и Россия не заключены в кавычки и не указан контекст, в рамках которого предполагается их равнозначность (очевидно, в частности, что на протяжении большей части существования России наименование «Российская Федерация» к ней не приложимо).

Не характерна для юридической науки и критика конституционных положений о народном и государственном суверенитете. Между тем их формулировки далеки от совершенства. Так, в ч. 3 ст. 3 референдум и выборы названы «высшим непосредственным выражением власти народа», хотя таким выражением более обоснованно было бы называть сами решения, принимаемые непосредственно-демократическим путем, тогда как референдум и выборы — характеризовать как механизмы такого выражения.

Тезис же о распространении суверенитета Российской Федерации на всю ее территорию (ч. 1 ст. 4 Конституции) по сути оказывается тавтологичным: независимое государство по определению обладает суверенитетом, а территорией государства по определению является то пространство, на которое распространяется его суверенитет. Вряд ли имеются основания полагать, что без указанного конституционного положения Россия считалась бы несuverенным государством (конституции многих государств вообще не упоминают о государственном суверенитете: для них более типичны декларативные положения о народном суверенитете) либо что ее суверенитет распространяется лишь на часть ее территории (в таком случае остальную территорию не следовало бы считать российской) или, наоборот, простирается за пределы этой территории. Таким образом, данная фраза обладает не юридико-регулятивным, а скорее политико-символическим значением.

Согласно части 3 названной статьи Российская Федерация «обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории». Данная декларация вызывает следующие замечания:

— целостность является характеристикой не территории, а государства¹ (строго говоря, не ясно, что понимать под целостной или нецелостной территорией — особенно в условиях географической отделенности Калининградской области, Республики Крым и города федерального значения Севастополь от остальной сухопутной территории Российской Федерации);

— вменение обеспечительной деятельности самой Российской Федерации выполняет политическую функцию, пренебрегая юридической (практически полезнее было бы сформулировать охранительное положение, провозгласив наказуемость посягательств на территориальную целостность государства и неприкосновенность его территории, или указать органы, уполномоченные принимать меры, направленные на обеспечение территориальной целостности государства и неприкосновенности его территории).

В статье 13 Конституции также говорится о целостности, но уже не территории, а самой Российской Федерации, однако в данном положении в свою очередь не указывается, о какой именно (территориальной или иной) целостности идет речь.

¹ Так, в ст. 29 Конституции (Основного Закона) Российской Федерации 1978 г. в ред. 1992 г. говорилось о «территориальной целостности Отечества».

Далеко от удачного и изложение норм об институтах гражданского общества. Так, в ч. 5 ст. 13 Конституции не удалось избежать тавтологии («деятельность... общественных объединений... действия которых...»). Кроме того, в отсутствие слова «соответственно» в придаточном предложении оба подлежащих («цели» и «действия») оказываются согласованными и с «созданием», и с «деятельностью» в главном предложении, в результате чего грамматически выстраивается не поддающийся реализации запрет на создание общественных объединений, не только цели, но и «действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя» и др. (указанная в рассматриваемом положении направленность действий в принципе может оказаться свойственной любому общественному объединению, а предвидеть ее в момент его создания не представляется возможным).

Красноречиво, но языком, далеким от юридической четкости, сформулированы многие положения о статусе личности. В частности, в ст. 2 Конституция провозглашает признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина обязанностью (единой, а не совокупностью обязанностей) государства, смешивая морально-политический смысл обязанности (обязанность признавать) и ее юридический смысл (обязанность защищать). Сомнительным является и словосочетание «соблюдение прав и свобод», что не мешает его некритичному воспроизведению в многочисленных научных публикациях и учебниках.

В части 3 ст. 17 говорится о недопустимости нарушения прав и свобод других лиц посредством осуществления прав и свобод человека и гражданина. Однако словосочетание «человек и гражданин» есть собирательное обозначение вида субъектов, а не конкретного лица, которому можно было бы противопоставить «других лиц». Корректнее было бы начать данную фразу словами «Осуществление лицом прав и свобод...».

В первом предложении ст. 18 Конституции использован неподходящий глагол: права и свободы не могут «действовать» (ни «непосредственно», как указано в названной статье, ни опосредованно). Это свойство правовых норм, предусматривающих права и свободы, а не самих прав и свобод. Во втором предложении перечислены производные от прав и свобод — «смысл, содержание и применение законов, деятельность...». Сочетание каждого из этих дополнений со сказуемым («определяют») вызывает затруднения: словосочетание «они определяют... содержание... законов» в целом поддается переводу на язык правовой деятельности (положения законов должны формулироваться таким образом, чтобы обеспечивать права и свободы), однако словосочетания «они определяют смысл... законов», «они определяют... применение законов» и «они определяют... деятельность» не имеют конкретного юридического содержания, а должны служить скорее философским ориентиром. Словосочетание «деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления», в свою очередь, имеет публицистический характер: с правовой точки зрения ни власть, ни самоуправление не являются субъектами и, следовательно, не могут осуществлять деятельность (речь должна идти об органах или должностных лицах, относящихся к указанным ветвям власти и к местному самоуправлению). Наконец, «обеспечиваться правосудием» должны не сами права и свободы, а их реализация.

Благодаря ориентации авторов на формулировки конституционных положений (ч. 2 ст. 6, ч. 3 ст. 19, ч. 4 ст. 32, ч. 2 ст. 38 Конституции¹) в современной литературе практически не встречается корректный вариант сочетания прилагательного «равный», существительных «права» и «обязанности» и существительных, обозначающих субъектов прав и обязанностей. Так, в ч. 2 ст. 38 Конституции («забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей») с общеязыковой точки зрения допущены следующие ошибки в согласовании. Во-первых, наличие двух подлежащих («забота» и «воспитание») либо требует употребления сказуемых («право» и «обязанность») во множественном числе (если подлежащие являются однородными), либо предполагает согласование первого подлежащего с первым сказуемым, а второго — со вторым (забота является правом, воспитание — обязанностью). Во-вторых, в среднем роде определение «равное» согласуется лишь с первым сказуемым («право»), тогда как в сочетании со вторым («обязанность») оно должно быть употреблено в женском роде. В-третьих, наличие двух сказуемых требует употребления определения («равное») во множественном числе. С юридической же точки зрения, кроме того, забота и воспитание должны рассматриваться не как право или обязанность, а как объект права или обязанности. Не вполне удачно и указание на равенство прав и обязанностей лиц. Идея равноправия предполагает равенство не элементов правового статуса, а самих лиц (т. е. равенство не чьих-либо прав и обязанностей, а кого-либо в правах и обязанностях).

Не вполне удачно употребление в Конституции и ряда других терминов и оборотов, характеризующих статус личности. В частности:

— о равенстве в ч. 2 и ч. 3 ст. 19 Конституции говорится в отношении не только прав и обязанностей, но и свобод (в указанных случаях также было бы корректно рассматривать в качестве равных самих субъектов — обладателей свобод — в реализации последних);

— ч. 2 ст. 22 Конституции допускает применение мер правового принуждения «по судебному решению», а ч. 2 ст. 23 и ст. 25 Конституции — «на основании судебного решения»;

— согласно ч. 1 ст. 31 Конституции законом охраняется «право частной собственности», а не сама последняя;

— согласно ч. 2 ст. 54 Конституции глагол «устранена» согласован с существительным «ответственность», а не с более подходящим словосочетанием «противоправность деяния»;

— согласно ч. 2 ст. 54 Конституции гражданин службу «несет», а не «проходит».

Многочисленные речевые погрешности могут быть обнаружены в конституционных положениях о федеративном устройстве². Среди них грамматически наименее совершенна конструкция положения ч. 4 ст. 66 Конституции: «Отно-

¹ Следует, правда, отметить, что «равенство прав», «равное право», «равный доступ» и подобные им старше действующей Конституции РФ (см., напр., ст. 34, 47, 48 и др. Конституции 1978 г. в ред. 1992 г.).

² См. об этом, в частности: *Лексин И. В.* Новые субъекты в составе Российской Федерации: проблемы теории, законодательства и практики его реализации // *Федерализм*. 2014. № 2. С. 55; *Его же*. О проблемах установления и корректировки границ субъектов Российской Федерации // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2013. Т. 6, № 6. С. 42–44.

шения автономных округов, входящих в состав края или области, могут регулироваться федеральным законом и договором между органами государственной власти автономного округа и, соответственно, органами государственной власти края или области»:

— в приведенной фразе не указана другая сторона отношений автономных округов (хотя ясно, что в этом качестве подразумевались край или область);

— в начале предложения говорится об отношениях «автономных округов» (во множественном числе), однако регулироваться эти отношения могут «договором между органами государственной власти автономного округа» (в единственном числе) и края или области.

О статусе субъекта Российской Федерации в ст. 66 Конституции вначале (в ч. 1), по-видимому, говорится в широком общетеоретическом значении, тогда как далее данная категория используется в ином, гораздо более узком смысле: в ч. 5 той же статьи под изменением данного статуса, вероятнее всего, подразумевается лишь смена титульной принадлежности субъекта Российской Федерации¹.

Многочисленные претензии могут быть высказаны в адрес описания разграничения компетенции между уровнями государственной власти. В частности:

— отнесение того или иного вопроса к «ведению Российской Федерации» исходя из положения ч. 1 ст. 76 Конституции касается только законотворчества и не исключает осуществления исполнительной и (или) судебной деятельности по данному вопросу органами государственной власти субъектов Российской Федерации;

— «совместное» ведение Российской Федерации и ее субъектов — это в действительности не «тот круг вопросов, которые федерация и субъекты решают сообща»² (равно не может быть отождествлен с совместным ведением набором «совместных полномочий» федеральных и региональных органов государственной власти, ни полномочий, осуществляемых ими совместно), а сфера, в рамках которой уполномочены принимать решения органы обоих уровней государственной власти (принимать отдельно, а не совместно и не сообща, но с учетом решений, принятых на другом уровне³);

— наряду с терминами «ведение Российской Федерации» (ст. 71, 73, ч. 1 и 4 ст. 76, ч. 2 ст. 77) и «совместное ведение Российской Федерации и субъектов Российской Федерации» (ч. 2 ст. 72, ст. 73, ч. 2 и 4 ст. 76,

¹ См.: *Лексин И. В.* К вопросу о статусе субъекта Российской Федерации: правовые аспекты // *Вестник Московского университета. Сер. 21, Управление (государство и общество)*. 2014. № 1. С. 4.

² *Добрынин Н. М.* Конституционное (государственное) право Российской Федерации : учеб. пособие. Новосибирск, 2007. С. 150.

³ Так, федеральный закон по предмету совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов — это, с формально-юридической точки зрения, конечно, не результат совместного федерально-регионального правотворчества, а нормативный правовой акт Федерации, в процедуру принятия которого входят рассмотрение Государственной Думой Федерального Собрания отзывов на законопроект, направленных законодательными (представительными) и высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, и поправок к указанным законопроектам, предложенных законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Закон же субъекта Российской Федерации по предмету совместного ведения — это просто региональный нормативный правовой акт, при выработке содержания которого усмотрение соответствующего регионального законодателя должно быть ограничено содержанием федерального законодательства.

ч. 2 ст. 77) используются и словосочетания «ведение органов государственной власти Российской Федерации» и «совместное ведение органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (п. «б» ч. 2 ст. 125);

– в ст. 73 Конституции использовано тавтологическое словосочетание «вся полнота» (частичной полноты просто не может существовать), и некорректно согласован глагол «обладают»: возможно обладание властью, но согласно названной статье субъекты Российской Федерации обладают «полнотой государственной власти».

Технических корректив заслуживают и конституционные положения об институтах государственной власти:

– Федеральное Собрание упомянуто среди органов государственной власти (ч. 1 ст. 11 Конституции), хотя не наделено ни одним властным полномочием;

– наряду со словосочетанием «властные полномочия» (ч. 3 ст. 3) в Конституции используется и неудачно согласованное построение «полномочия власти» (ч. 4 ст. 78), с конструктивной точки зрения подразумевающее не властность полномочий, а принадлежность полномочий некой сущности под названием «власть», что вряд ли имелось в виду авторами Конституции;

– согласно Конституции полномочия могут как «осуществляться» (ст. 78, ч. 1 ст. 82, ч. 2 ст. 92), так и «исполняться» органами и должностными лицами (ч. 1 и 2 ст. 92, п. «ж» ч. 1 ст. 114, пп. 3 и 9 раздела II), обязанности Президента – как «выполняться», так и «исполняться» (ч. 3 ст. 92);

– Президент Российской Федерации согласно ст. 83 Конституции заместителей Председателя Правительства РФ, федеральных министров и прокуроров «назначает на должность и освобождает от должности», тогда как представителей Российской Федерации в Совете Федерации Федерального Собрания, своих полномочных представителей и высшее командование Вооруженных Сил РФ – просто «назначает и освобождает»;

– в п. «а» ст. 84 Конституции употреблено некорректное словосочетание «выборы Государственной Думы» (вместо «выборы депутатов...»);

– в ч. 2 ст. 93 Конституции предусмотрено принятие решения об отрешении Президента РФ от должности «двумя третями голосов от общего числа в каждой из палат» – без упоминания субъектов (депутатов и членов Совета Федерации), к которым относится требуемое число.

Далеко от идеального и построение массово используемых в юридической литературе конституционных положений о местном самоуправлении. Так, ст. 133 Конституции провозглашает, что местное самоуправление «гарантируется правом на судебную защиту», а также «запретом на ограничение прав местного самоуправления», что вызывает несколько замечаний:

– гарантироваться что-либо может не субъективным правом (на судебную защиту), а законодательством или иным формальным источником, предоставляющим данное право;

– субъективное право по отношению к гарантии должно выступать не в качестве средства, а в качестве объекта;

– значение словосочетания «запрет на ограничение прав» неконкретно (не определены ни адресаты запрета, ни содержание понятия «ограничение», ни круг гарантируемых прав или источник их закрепления);

– исходя из положений ч. 2 ст. 130 и ст. 131 Конституции местное самоуправление представляет собой форму деятельности («местное самоуправление осуществляется...»), а следовательно, оно не должно одновременно фигурировать в качестве субъекта (и соответственно не может существовать «прав местного самоуправления»).

Наконец, встречаются нестыковки в положениях о системе формальных источников права и о правотворческих процедурах:

– слово «закон» в Конституции используется не только для обозначения особой формы нормативного правового акта, но и в метафорическом значении правовой нормы или объективного права в целом (в оборотах «равны перед законом», «подчиняются закону»);

– федеральные законы согласно ч. 1 ст. 105 Конституции принимаются Государственной Думой Федерального Собрания, хотя текст, успешно прошедший через данную палату Федерального Собрания, может остаться лишь законопроектом вследствие неодобрения его Советом Федерации или отклонения Президентом Российской Федерации¹;

– в ч. 3 ст. 92 и в ст. 134 Конституции упоминаются «предложения о поправках и пересмотре положений Конституции Российской Федерации». В отсутствие определения «конституционных» (использованном в названии главы 9 Конституции) дополнение «о поправках» должно согласовываться с оборотом «положений Конституции Российской Федерации» (так, в ст. 136 Конституции говорится о поправках к гл. 3–8) или «Конституции Российской Федерации», что приводит к нелепой речевой конструкции (грамматически верным было бы, например, упоминание о «поправках к Конституции Российской Федерации и пересмотре ее положений» или о «поправках к положениям Конституции Российской Федерации и ее пересмотре»).

Сказанное побуждает обратиться к давно идущей дискуссии о потребности в трансформации нынешней Конституции или в принятии новой Конституции. Данная дискуссия примечательна сама по себе и заслуживает отдельного исследования, но в контексте настоящей статьи она будет затронута лишь постольку, поскольку вышеизложенные упреки в адрес Конституции РФ 1993 г. могут ассоциироваться с призывами к ее изменению.

Как представляется, перспективы академического разрешения споров по данному вопросу довольно скромны. Обусловлено это прежде всего тем обстоятельством, что сторонники и противники изменения Конституции пользуются разнородными аргументами: заключение о потребности в изменении Конституции традиционно выводится из выявляемых дефектов в ее содержании и из политических обстоятельств ее принятия в 1993 г., а доводы в защиту стабильности Конституции основываются на ее конструктивном потенциале. В связи с этим саму непримиримость противоположных позиций по вопросу о целесообразности конституционной реформы вряд ли следует рассматривать как научную проблему.

Обе противоборствующие позиции, конечно, в той или иной мере уязвимы, что также предопределяет логическую неразрешимость проходящей дискуссии.

¹ См. об этом, в частности: *Чиркин В. Е.* К вопросу о точности конституционной терминологии // Журнал российского права. 2011. № 2. С. 68–70; *Его же.* Слово о конституционной терминологии // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 17–18; *Его же.* О порядке принятия федерального закона в России (верна ли формулировка ч. 1 ст. 105 Конституции РФ?) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 2. С. 116–125.

Так, часто не вполне убедительно выглядит выражение оптимистического отношения к содержанию Конституции 1993 г. Рассуждая о ней в хвалебном ключе, специалисты нередко смешивают с достоинствами ее имманентными характеристиками: в поддержку Конституции говорится о перспективах ее реализации, приводятся примеры полезных положений, которые нашли закрепление в ней.

Как представляется, правовая оценка и Конституции РФ, и любого иного формального источника права (как отечественного, так и зарубежного) должна состоять прежде всего в критическом анализе. Замечания в адрес Конституции 1993 г. не следует воспринимать как проявление неуважения к ней или пренебрежения ее значимостью. Напротив, они подразумевают, что данная Конституция — важный и ценный документ.

При этом оценку качества конституции (или иного источника права) и потребность в конституционной реформе (или ее перспективность) не следует воспринимать как тесно взаимосвязанные обстоятельства. Поиски юридически обоснованного ответа на вопрос о потребности изменения конституции можно признать почти напрасными, — и не вследствие содержательной сложности ответа на него, а по причине его нерешаемости средствами правовой науки. Конституция — важнейший юридический документ, но его преобразование почти целиком находится в политической плоскости, за рамками юридической аргументации. Соответственно, и исход дискуссии о трансформации Конституции или ее сохранении, конечно, будет зависеть от политического выбора, а не от логической обоснованности позиций. Можно приводить сотни примеров дефектности наличного конституционного текста и не меньшее число аргументов в пользу его ценности и прозорливости. Однако, несмотря на то что и первые, и вторые будут обоснованы, с выявленными фактами неверно будет связывать, соответственно, необходимость конституционной реформы или неприкасаемость Конституции. Ее дефекты в действительности не составляют основание для ее изменения, а качество и высокий конструктивный потенциал конституционных положений нисколько не гарантируют их неизменности. В то же время при принятии в будущем поправок, затрагивающих несовершенные конституционные положения, следует обращать внимание на обновление не только их содержания, но и речевой формы. И тем более полезно будет учесть весь массив накопленных замечаний к формулировкам положений действующей Конституции в случае, если будет принято решение о ее пересмотре.

*(Окончание следует)**

Пристатейный библиографический список

1. Авакьян, С. А. Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. — 2012. — № 9. — С. 2—9.
2. Автономов, А. С. Ценность конституции // Государство и право. — 2009. — № 3. — С. 5—11.
3. Боброва, Н. А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 3. — С. 33—37.
4. Витрук, Н. В. Право, демократия и личность в конституционном измерении / Н. В. Витрук. — М.: Норма, 2012. — 688 с.
5. Демидов, В. Н. Конституция РФ и единство конституционно-правового пространства Российской Федерации // Журнал российского права. — 2009. — № 6. — С. 14—23.

* Окончание статьи будет опубликовано в журнале «Правовая культура» № 1 за 2019 г.

References

1. Avak'yan, S. A. Nuzhna li konstitucionnaya reformav Rossii? // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. [Do we need constitutional reform in Russia? // Constitutional and municipal law]. – 2012. – № 9. – P. 2–9.
2. Avtonomov, A. S. Cennost' konstitucii // Gosudarstvo i pravo. [Value of the Constitution // State and law]. – 2009. – № 3. – P. 5–11.
3. Bobrova, N. A. 20 let i 20 nedostatkov Konstitucii Rossii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. [20 years and 20 disadvantages of the Russian Constitution // Constitutional and municipal law]. – 2013. – № 3. – P. 33–37.
4. Demidov, V. N. Konstituciya RF i edinstvo konstitucionno-pravovogo prostranstva Rossijskoj Federacii // Zhurnal rossijskogo prava. [The Constitution of the Russian Federation and the unity of the constitutional legal space of the Russian Federation // Journal of Russian law]. – 2009. – № 6. – P. 14–23.
5. Vitruk, N. V. Pravo, demokratiya i lichnost' v konstitucionnom izmerenii [Law, democracy, and personality in Constitutional changes] / N. V. Vitruk. – M.: Norma, 2012. – 688 p.